

СПРАВЕДЛИВОСТЬ И ДЕМОКРАТИЯ. РОССИЙСКИЙ КОНТЕКСТ*

Г.Ю. КАНАРШ

На протяжении последних полутора десятилетий (с середины 1990-х гг.) нерешенность проблемы социальной справедливости в российском обществе делает данную этическую категорию предметом постоянного внимания со стороны исследователей. Анализу подвергаются как теоретические аспекты изучения справедливости, так и меняющиеся представления о ней в общественном сознании. Однако почти нет работ, в которых бы предпринимались попытки проанализировать *конкретные условия* реализации социальной справедливости. Цель данной статьи состоит в том, чтобы исследовать взаимосвязь справедливости и демократии как ключевой, с нашей точки зрения, предпосылки реализации данной ценности в России, а также выяснить *реальные возможности* демократизации в специфически российских условиях.

Постановка проблемы

Социальная несправедливость в различных ее проявлениях (социально-экономическое неравенство, неравенство возможностей, неравенство перед законом) по-прежнему остается одной из главных проблем современного российского общества. Именно это обстоятельство, как и в XIX, и в начале XX вв., является главной причиной того, что справедливость в России обретает ранг «национальной идеи», что подтверждается сегодня почти всеми социологическими исследованиями. Как отмечается, например, в статье социолога С.В. Маревой, «именно идея справедливости в наибольшей степени может играть роль консолидирующей идеи для российского общества»¹.

* Статья подготовлена в рамках научно-исследовательского проекта «Национальные специфики осмысления справедливости в эпоху глобализации» при поддержке Гранта Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук № МК-3547.2014.

Представления россиян о справедливом обществе, несмотря на определенную модернизацию сознания, достаточно противоречивы: с одной стороны, «мечта о жизни в справедливом и разумно устроенном обществе тесно связана с мечтой об обеспечении прав человека, демократии и свободе самовыражения», с другой стороны, она соединена «с идеей сильной жесткой власти, способной обеспечить порядок в стране»². Таким образом, налицо двойственность в понимании социальной справедливости и условий ее реализации, что обусловлено, с нашей точки зрения, особенностями национального характера россиян. И тем не менее именно справедливость выступает в качестве «одного из важнейших аспектов модернизации страны»³.

Последнее утверждение представляется особенно важным в связи с провозглашенным в последние годы (с конца 2000-х гг.) курсом на модернизацию российской экономики и общества. Официальная риторика такова, что общество должно становиться все более современным (развитым, сложным, с диверсифицированной экономикой, социальными и правовыми гарантиями), однако странным образом реализация этой цели не увязывается с решением наиболее болезненной проблемы современной России – проблемы справедливости. Более того, фактический демонтаж социальной сферы (наука, культура, образование), происходящий в последние годы под видом реформ, говорит скорее о движении в сторону *демодернизации* общества, нежели его модернизации.

Эта ситуация, на наш взгляд, ставит серьезную проблему путей и методов общественных преобразований. Как известно, с начала 2000-х гг. (с приходом к власти президента В.В. Путина) была сделана ставка на вариант *авторитарной модернизации*, когда «сильное государство», опираясь на поддержку общества, проводит необходимые реформы. Это – традиционная для России модель, и в тот период (вторая пол. 1990-х – первая пол. 2000-х гг.) казалось, что она «срабатывает», тем более что эта модель, предложенная властью, оказалась созвучной этатистским настроениям большинства россиян (сохраняющимся и сегодня). В плане реализации социальной справедливости данная модель получила свое обоснование в ряде работ отечественных ученых, в частности, в книге «Модернизация “другой” Европы» (1997) В.Г. Федотовой, в одной из глав которой была построена модель «рационального общественного договора» для России с опорой на идеи Дж. Роулза. По мнению В.Г. Федотовой, «в истории и традициях России нет иного механизма перехода от традиционного общества к современному, чем этатизм. Смена моделей модернизации (вестернизации, догоняющей модели) на модель постмодернизации (на основе собственных традиций)⁴ может изменить роль этатизма в постмодернизационном процессе. *Максимизация минимума* (ключевой принцип справедливости Дж. Роулза, известный как «максимин». –

Г. К.) может стать в России делом государства. Не избежать здесь и минимизации максимума, учитывая дикий, непроизводительный характер нового русского капитализма»⁵ (курсив мой. — Г. К.). Здесь же говорится о необходимости формирования *правового государства* как гаранта справедливости (опять же силами авторитарной власти), опираясь при этом на чувство справедливости, присущее большинству. «Через закон власть может обеспечить справедливость — «не требования равенства, а чтобы люди разделяли судьбу друг друга»⁶.

Повторим, что данная модель представлялась вполне адекватной задачам российского развития, и главное — соответствующей социокультурной специфике России. Однако логика развития России в последние полтора десятилетия, приведшая к формированию вместо справедливого общества модели *государственно-олигархического капитализма*, предполагающей тесную связь правящей бюрократии с крупным финансовым капиталом, и особенно ухудшение ситуации в последние годы, ставит под вопрос адекватность модели авторитарной модернизации подлинным задачам российского развития. Говоря точнее, сегодняшняя ситуация заставляет задуматься о том, как, каким образом существующая модель государственной власти в России может (и должна) быть скорректирована с тем, чтобы ее функционирование отвечало целям достижения справедливости и общего блага, а не интересам исключительно правящего класса. Такая постановка проблемы естественным образом выводит нас к задачам *построения демократии и гражданского общества*, которые (в российских условиях) обязательно должны дополнять и корректировать деятельность государства.

В этой связи возникает несколько вопросов. Во-первых, о том, что представляет собой российская общественно-политическая традиция, обладает ли она еще какими-то потенциалами, *кроме* этатистского. Во-вторых, о том, что из накопленного современной (западной) политической мыслью о демократии и гражданском обществе может быть полезным для нас, в том числе, с точки зрения *нормативного содержания и условий реализации социальной справедливости*. И в-третьих, каковы *реальные* условия построения демократии и гражданского общества в современной России.

Народ и власть: исторический контекст взаимоотношений

Обращение к исследованиям российской общественно-политической традиции, в частности, выполненным в русле популярной сегодня концепции «русского мира», дает неоднозначные результаты. С одной стороны, авторитетные авторы подчеркивают принципиально *автократический* характер российской политической системы, прослеживая ее истоки вплоть до начала образования Древнерусского государства (IX в.). С другой стороны, внутри этой традиции обнару-

живается достаточно сильная *демократическая альтернатива*, наличие которой не позволяет однозначно характеризовать общественно-политическую жизнь русского мира как построенную исключительно на принципах автократии.

Примером первого подхода может быть исторический анализ отношений народа и власти в России, предпринятый историком А.В. Павловской. Анализируя известную легенду о призвании на Русь варягов и связанный с ней так называемый норманнский вопрос о происхождении государственной власти в России, Павловская говорит о возможности сделать на ее основе ряд важных выводов. Во-первых, легенда свидетельствует о том, что правитель на Руси воспринимался как человек, устанавливающий *порядок при беспорядке*. Правитель предстает как своеобразный посредник, объединитель не только земель, но и различных племен. Во-вторых, особо подчеркивается, что правитель призывается народом, причем не отдельными группами, а всеми, что выражает *всеобщий интерес*. В-третьих, легенда указывает на ту огромную роль, которую правитель играл в русской жизни — правитель и государство воспринимаются как *понятия неразрывные*. «Все эти идеи получили развитие в последующие эпохи (т.е. после XII в., когда была написана «Повесть временных лет». — Г. К.), стали определяющими для основ российского государства»⁷.

Помимо этих основных идей, касающихся носителя верховной государственной власти, выделяется еще ряд дополнительных характеристик, среди которых — сакральность власти («царь — помазанник Божий»), а также, что особенно важно — понимание народом фигуры властителя как *воплощения высшей справедливости*. Как отмечает Павловская, «об удивительном пиетете по отношению к государю говорят и свидетельства иностранцев. Многие считали это признаком варварства и присущей русской государственности тирании»⁸. Но при этом все авторы, писавшие в разное время о России, сходятся в одном: «...власть правителя в России — это реальность, которая поддерживается *верой народа в его справедливость и силу*»⁹ (курсив мой. — Г. К.). С этим же связано и известное стремление русских людей в любой спорной ситуации бить челом государю. Интеллигенцию, напротив, оно побуждало обращаться к царю с «советами и своего рода поучениями»¹⁰.

Таким образом, сильный и справедливый правитель — центральная фигура в политической жизни России на протяжении многих веков ее истории, что, в свою очередь, обусловлено целым рядом обстоятельств: 1) огромным размером страны, нуждавшейся таким образом в сильной централизованной власти; 2) нестабильностью экономики, сложностью ведения хозяйства, что, опять-таки, требовало значительного государственного вмешательства; 3) несовершенством законодательной системы и легкомысленным отношением к соблюдению закона, что налагало на

правителя соответствующие функции (судебные); 4) ролью религиозного фактора (сакрализация властителя); 5) патриархальностью семейных отношений, присущих русской культуре, и проецировавшейся на отношения народа и власти; 6) многоэтническим характером российской государственности, требовавшим посредника и миротворца, который стоял бы над всеми; 7) особой ролью правителя в качестве верховного главнокомандующего в ситуации постоянных войн, которые приходилось вести России. Но так или иначе «ослабление центральной власти в России неизбежно приводило к развалу и хаосу»¹¹.

Если говорить о демократии, то «сильная централизованная власть в России *всегда сочеталась с самоуправлением*, с разного рода демократическими структурами: Боярской думой, крестьянской общиной, земством и т.д.»¹² (курсив мой. — Г. К.), при том, что выборы сами по себе никогда не представляли интереса для русского человека.

О чем, с нашей точки зрения, говорит данный анализ? Обычно, когда говорят о патерналистском отношении русских к власти, то отмечают такую черту национальной жизни, как слабая укорененность в ней *правовых начал* (в сравнении, например, с Западной Европой). Если становление европейской цивилизации было тесно связано с римским правом и его последующим заимствованием германо-романским (варварским) миром, то в России этого не произошло, Русь развивалась в тесной связи с византийской (восточно-христианской) культурой, для которой в большей мере была характерна персоналистская традиция во власти (византийские императоры). Особенно это стало заметно начиная с эпохи Ивана III, который принял «цивилизационную эстафету» от уходящей с арены мировой истории под натиском турок Византии. Однако это — лишь одно из возможных объяснений.

Другим — не историческим, а *национально-психологическим*, объяснением может быть предположение о том, что подобное отношение к верховной власти укоренено в *природе национального характера* русских и отвечает каким-то глубинным душевным запросам русского человека. Во многих работах мы писали (со ссылкой на психотерапевта профессора М.Е. Бурно) о дефензивности (природном переживании своей неполноценности вместе с ранимым самолюбием) как национально-психологической особенностью русских. Дефензивность в целом присуща людям неагрессивным, ранимым, тревожным, склонным к сомнениям и творчеству как своего рода природной компенсации дефензивности, *не стремящимся к власти*. Это — своего рода «слабость», но заключающая в себе немалую силу (прежде всего, творческого порядка). Многие описания национального характера русских позволяют достаточно отчетливо увидеть в россиянах (их значительной части) именно таких — дефензивных (в широком смысле) людей. И наше предположение в этой связи состоит в том, что тяга русских к справед-

ливости, порядку, как и к осуществляющей их сильной власти, вызвана (наряду с другими факторами) этой национально-психологической особенностью. Конечно, отнюдь не все люди с дефензивностью будут готовы принять такую модель взаимоотношений народа и власти (особенно это характерно для русской интеллигенции), но для большой массы «простых» русских людей эта модель, по-видимому, является исторически вполне комфортной.

С другой стороны, означает ли это, что данная модель является и *абсолютно достаточной*? Как уже ясно из приведенной выше цитаты, демократические идеи и практики также были характерны для политической традиции русского мира и составляли, вместе с автократической властью, его органичную часть. Другой вопрос, что судьбы демократии в России были сложными, что демократическая традиция не единожды прерывалась в результате крутых исторических переломов или наступления автократической власти, но тем не менее она *всегда существовала в России*, и сегодня насущной задачей становится актуализация гражданских и демократических идей в новых исторических условиях. При этом, повторим, задача видится вовсе не в «сломе» авторитарной традиции, своего рода радикальном изменении «культурной матрицы» (что, полагаем, попросту невозможно в силу исторических и других обстоятельств), но в дополнении института сильной государственной власти *реально работающими* демократическими институтами и практиками.

В этом отношении большой интерес представляет исследование политолога Д.Э. Летнякова, посвященное изучению российской традиции общественно-политического участия. Он показывает, что российская авторитарная (самодержавная) модель власти *не есть естественное состояние политической системы русского мира*, что она — продукт определенного исторического развития (примерно со 2-й пол. XVII в.), а более ранние эпохи (домонгольская Русь и начальный период Московского царства) характеризовались *более сложным и одновременно более сбалансированным* способом отношений между народом и властью. Наиболее ярко эта тенденция проявилась в эпоху домонгольской Руси (IX—XII вв.).

Как пишет Летняков, характеризуя в целом политическую систему древнерусских городов-государств, «нам кажется, что форму правления, сложившуюся в древнерусских землях, все-таки нельзя однозначно отнести к монархии. Хотя также неправильно будет называть ее республикой. Это было *сложное и во многом своеобразное политическое устройство, сочетавшее в себе элементы монархии, аристократии и демократии*. Монархический элемент воплощался в фигуре князя, который был «главой земли», ее защитником и строителем... Аристократическая составляющая заключалась в «боярской думе», совещания которой

с князем имели постоянный характер... Наконец, демократический элемент был представлен вечевыми собраниями, с помощью которых доступ к политическому процессу имела значительная масса городского населения»¹³ (курсив мой. — Г. К.). Интересно, что положение князя в Древней Руси весьма напоминало роль подеста в средневековых итальянских городах-государствах — чужеземных рыцарей, которых вместе с их вооруженными отрядами специально приглашали для выполнения военных, полицейских и административных функций, за что они получали вознаграждение. Подобным образом отношения народа (городской общины) и князя в Древней Руси строились на договорной основе, и в рамках этого договора обе стороны выступали как равноправные. В самом же договоре («ряд», или «наряд») «оговаривались некоторые условия занятия престола, размеры княжеских “кормлений” и т.д. Все это ставило князя в *определенные, строго очерченные рамки*»¹⁴ (курсив мой. — Г. К.).

В то же время сама возможность подобного варианта государственного устройства, которое более точно можно было бы назвать *политией*, обуславливалась определенным набором объективных обстоятельств, способствовавших развитию именно такой политической формы в раннесредневековой Руси. Кроме непосредственной связи с традициями племенной (военной) демократии, к этим обстоятельствам относились, во-первых, высокий уровень урбанизации Древнерусского государства, в свою очередь связанный с весьма выгодным географическим расположением на пересечении торговых путей, а во-вторых, — высокий уровень децентрализации государства, наличие в нем множества относительно самостоятельных земель — волостей (Новгородской, Киевской, Полоцкой и т.д.). Такая ситуация — своего рода «золотой век» древнерусской государственности — сохранялась вплоть до середины XIII в., а ее исчезновение также было связано с объективными обстоятельствами — в первую очередь с монгольским нашествием, приведшим к покорению и вызванному им экономическому оскудению русских земель, прекращению активной торговли и развития городов. И тем не менее и после окончания монгольского владычества демократические традиции, наряду с повсеместным усилением великокняжеской власти (кроме Новгорода Великого), были достаточно сильны¹⁵.

Однако постепенно, начиная уже с царя Алексея Михайловича Романова, происходит усиление монархической власти, возникает тенденция превращения ее в подлинно самодержавную. Власть активно наступает на свободы местного самоуправления, свободы отдельных сословий (например, казаков), подчиняет себе церковь (в результате церковного раскола) и осуществляет закрепощение крестьян. Таким образом, рассмотренный период явился своеобразной «исторической развилкой» в формировании нового российского государства, когда история отношений власти и общества *окончательно пошла по*

авторитарному (авторитарно-бюрократическому) пути. «Именно тогда, во второй половине XVII в., были жестоко прерваны процессы гражданской трансформации русского общества, были устранены или существенно ослаблены все институты самоорганизации народа, политического участия и контроля за властью, вследствие чего в России формируется деморализованное, неспособное к консолидации и отстаиванию собственных интересов общество, ставшее благодатным материалом для “внутренней колонизации”, осуществленной правящими элитами»¹⁶ (курсив мой. — Г. К.). Ситуацию не исправили даже Великие реформы второй половины XIX в., поскольку, несмотря на реальную попытку модернизации общества (отмена крепостного права, введение либеральных свобод, в том числе широкой практики местного самоуправления в виде земств, формально носивших всесословный характер), они так и не привели к *реальной практике* включения всего населения (прежде всего, огромной крестьянской массы) в процессы управления страной.

В целом нам кажется интересной и достаточно убедительной историческая гипотеза Д.Э. Летнякова (следующего в своих выводах за концепцией А.Г. Глинчиковой) о «срывах модернизации» как главной причине того, что в российской истории, начиная со второй пол. XVII в., возобладал *авторитарный, а не демократический*, вектор общественного развития. В подтверждение этой гипотезы можно привести и факты из более позднего (советского) периода отечественной истории, а именно: срывы возможного развития общества по социал-демократической модели в первой и последней трети XX в. — сначала в «поздний» ленинский период (эпоха нэпа), прерванный приходом к власти И.В. Сталина, затем — в период хрущевской «оттепели», закончившейся отстранением Хрущева от власти и последующими десятилетиями брежневского «застоя». Во всех этих случаях (и в имперский, и в советский периоды) мы можем видеть единовременное действие двух факторов: во-первых, активное *нежелание власти* допустить широкие слои населения к реальному процессу управления страной; а во-вторых, *слабость демократической традиции*, которая таким образом всякий раз оказывается беззащитной перед очередным актом политической реакции. Последнее обстоятельство представляется более фундаментальным и как таковое оно ставит серьезную проблему поиска *оптимальной модели демократии для России*, реализация которой, через более глубокую связь с интересами и потребностями населения, могла бы сделать очередной демократический импульс более устойчивым и менее уязвимым перед лицом возможного авторитарного «отката».

Модель демократии и справедливости для России

Как полагают авторитетные исследователи, очередная неудача демократизации российского общества, предпринятой на рубеже

1980–1990-х гг. была связана не просто с нарастанием авторитаризма в российской политике с начала 2000-х гг., но имела более глубокие *социальные* корни. Как считает, например, И.К. Пантин, проблема главным образом заключалась в том, что демократия в период 1990-х гг. реализовалась в России преимущественно в «верхушечной», шумпетерианской (по имени известного экономиста Й. Шумпетера) версии, что не позволило ей стать *результатом осознанного выбора* со стороны населения, которое, таким образом, попросту не увидело реальной связи между существующими демократическими институтами и практиками и своими жизненными интересами. Поэтому граждане достаточно легко расстались с демократией в условиях формирования более привычного для России авторитарно-бюрократического метода управления страной. «Принимая во внимание характер российской государственности, мало изменившейся в 1990-х годах, можно утверждать, что в России был осуществлен минималистский проект *шумпетерианской демократии*. В его логике демократический процесс — это не власть народа, а власть политиков, политических элит, избираемых на основе свободной конкуренции. Собственно демократический метод, по Й. Шумпетеру, отличается от недемократического лишь одним — периодичностью альтернативных выборов, не более того. Как оказалось, шумпетерианская версия демократии органично вписывается в традиционно российский способ правления с присущим ему культом правителя, безусловным приоритетом интересов государства по отношению к интересам граждан и общества. И главное, она не требует создания в стране такой обстановки, которая побуждала бы всех или, по крайней мере, политически продвинутые слои граждан к участию в общественной жизни»¹⁷. Как с горечью пишет Пантин, в результате мы вновь получили государство, в котором все решает коррумпированное чиновничество, а не граждане (их ассоциации) и закон. И это касается не только решений, принимаемых на общенациональном уровне, но и решений, которые прямо затрагивают *сферу повседневной жизни и отношений*, где интересы простых людей проявляют себя наиболее зримо. «Но именно здесь (в области решения повседневных практических вопросов. — Г. К.) гражданская инициатива встречает бешеное сопротивление чиновничьего аппарата, который ничего не желает отдавать на усмотрение простых людей, — массовое участие “народа” в делах власти означает для него поспраие “устоев”, нападение на “порядок”»¹⁸. И в этих условиях, полагает Пантин, единственный вариант развития событий, при котором демократия могла бы получить реальный шанс на осуществление — это расширение понятия о самой демократии, в корне меняющее представление о ней не только как о форме представительных органов власти и регулярно проводимых альтернатив-

ных выборах, но и как о демократии *повседневных дел, повседневного участия*, требующих соответствующих компетенции и подготовки¹⁹.

Таким образом, размышления о новейшей судьбе демократии в России делают особенно актуальной для нас так называемую модель партиципаторной (или партисипативной, от англ. participation – участие) демократии, представленной сегодня на Западе (прежде всего, в США) целым рядом имен, прежде всего таких как К. Пейтмэн, Б. Барбер, Т. Кронин, Д. Циммерман, Д. Фишкин²⁰. Иначе эту модель называют моделью «развивающей демократии», поскольку она делает основной упор не просто на развитие демократических институтов, но на формирование *компетентности гражданина* и определенных *психологических качеств*, необходимых ему для полноценного участия в общественной (политической) жизни²¹. Непосредственными идейными предшественниками этой модели считаются Ж.-Ж. Руссо и Дж. Ст. Милль.

В связи с нашей основной темой возникает вопрос: какова связь данной модели с идеей *справедливости*? Или, иными словами, какие ключевые моменты *современного понимания справедливости* она помогает реализовать? Существенно, что именно партиципаторная модель из всех существующих на данный момент в западной политической науке теорий демократии²² сохраняет свое *нормативное* (ценностное) значение, и как таковая она оказывается особенно близка *левому*, или *социал-демократическому пониманию* справедливости, которое, с нашей точки зрения, представляет собой наиболее адекватную современную форму выражения этой идеи²³.

Какие же конкретно идеи несет в себе партиципаторная модель? Таковых можно выделить несколько.

Во-первых, это ценность *предельной инклюзивности*, или включенности в общественно-политический процесс для всех дееспособных граждан. Как отмечает в этой связи Э.Я. Баталов, одно из главных направлений, по которому разворачивается мысль теоретиков этой школы – «гуманистическая по духу реабилитация рядовых граждан как компетентных субъектов, наделенных способностью, а значит, и правом непосредственно участвовать в принятии решений (не только политических), влияющих на их жизнь»²⁴. При этом, как отмечает тот же автор, в последние годы особенно подчеркивается равная способность и равное право на участие в принятии решений всех граждан *независимо от пола, расовой и национальной принадлежности, религиозной, культурной и сексуальной ориентаций*.

Во-вторых, сторонники данной модели подчеркивают особое значение для формирования «общества всеобщего участия» института *экономического равенства*, реализуемого в первую очередь на производстве. Так, К. Пейтмэн в своей известной книге «Участие и демократическая теория»²⁵ объясняет это стремление партиципистов к реализации эконо-

номического равенства, во-первых, тем, что производственная среда наиболее близка обычному, рядовому человеку, и он проводит в ней большую часть своего времени, а во-вторых, тем, что экономическое равенство (включая право прямого участия в управлении производством) выступает в качестве важнейшей предпосылки демократии вообще, ее своего рода экономическим фундаментом. Кроме производства, отношения равенства и участия, согласно Пейтмэн, должны быть распространены еще на ряд сфер повседневной жизни и общения, включая высшее образование, местное самоуправление и др.

В отношении современной России чрезвычайно актуальным представляется суждение К. Пейтмэн о возможностях развития демократического участия в связи с проблемами местного (локального) значения на уровне муниципалитетов: «Проблемы осуществления крупномасштабных жилищных проектов обеспечивают жителям широкий спектр возможностей для участия в принятии решений. В этом контексте может оказаться чрезвычайно ценным психологический эффект такого участия»²⁶.

В-третьих, с точки зрения понимания самой идеи справедливости особенно важным представляется тот факт, что для сторонников партиципаторной теории ключевое значение имеет не развитие демократических институтов и практик самих по себе, но их важность для *развития человека*. Основная мысль здесь заключается в следующем: только *участуя*, можно приобрести те необходимые качества и свойства характера, которые нужны для полноценной демократии и одновременно служат всестороннему (гармоничному) развитию личности. «В партиципаторной модели политическое участие не есть средство для достижения какой-либо цели, а само является целеполаганием, т.е. содержит цель в себе, ибо только по-современному понятое участие благоприятствует интеллектуальному и эмоциональному развитию граждан»²⁷. Эта идея отчетливо коррелирует с классическими представлениями о роли демократии таких мыслителей, как Ж.-Ж. Руссо и Дж. Ст. Милль, согласно которым смысл демократии — не просто в защите индивидуальных интересов, а в предоставлении максимально благоприятных условий для развития (и саморазвития) индивидов, реализации природного потенциала каждой личности²⁸.

Наконец, в-четвертых, партиципаторная модель предлагает пути и возможности создания условий для более эффективной реализации собственно *политической справедливости*, прежде всего в форме преодоления слишком большого разрыва между народом и властью. В частности, как показывает К. Пейтмэн, существует отчетливая и в то же время слабо артикулированная в современных теориях демократии связь между участием на общенациональном и локальном уровнях: только пройдя «школу» участия в институтах и практиках местного значения,

гражданин может осознать значимость *для него лично* общенациональных выборов и системы принятия решений, а также обрести необходимый уровень компетентности для того чтобы делать собственные ответственные суждения о том, что происходит в масштабах всей страны. В этом отношении для России оказывается важным опыт классической американской *демократии на местах*, поскольку «именно там (на местном уровне. — Г. К.) закладывается фундамент общенациональных успехов и формируются первичные навыки демократического самоуправления и основы демократической политической культуры, без которых невозможно построить демократию в общенациональном масштабе»²⁹.

Таким образом, в партиципаторной модели демократия и справедливость оказываются связанными друг с другом настолько тесно, что реализация одной из них вряд ли может быть помыслена без осуществления другой. Так, демократическое участие предполагает в качестве своих важнейших предпосылок достижение социального и экономического равенства, формирование компетентности и психологических качеств гражданина, но в то же время само оно имеет целью *всестороннее развитие человека*, что отвечает базовой идее социальной справедливости³⁰.

Условия реализации демократии и справедливости в России

Очевидно, что описанная выше модель не просто актуальна для России, но и по ряду параметров оказывается близка *российской социокультурной традиции*. Это прежде всего касается установки на развитие личности как первоочередной задачи, особой значимости позитивной свободы («свободы для») в деле реализации коллективных интересов всего общества, значения социальной справедливости, социального и экономического равенства. Однако, с другой стороны, представляется, что есть и такие моменты, которые явным образом *не позволяют говорить о возможности реализовать данную модель в России в полной мере* (хотя этого не получается сделать и в самих США), прежде всего по причинам иной культуры, иного национального характера, качества которого весьма слабо соотносятся с такими ключевыми для данной модели требованиями, как гражданский активизм, рациональность, высокий уровень ответственности, компетентности простого гражданина и т.д. Каковы же в этом случае *реальные перспективы* становления демократии и гражданского общества в России?

Некоторые ответы на этот вопрос содержатся в выступлениях участников «круглого стола» «QuoVadis? Перспективы становления гражданского общества в России», опубликованных журналом «Полис» в 2012 г. Приведем три мнения участников, имеющих прямое отношение к нашему исследованию.

Политолог А.И. Соловьев очерчивает основные трудности и возможные перспективы формирования гражданского общества в России.

Его основная мысль состоит в том, что ростки гражданского общества, безусловно, пробиваются в последние годы (напомним, что «круглый стол» проходил в период массовых выступлений в Москве людей, недовольных политикой власти, и был в значительной мере посвящен осмыслению этих событий), однако главная проблема заключается в том, что власть, вместо того, чтобы оказать поддержку зачаткам низовой самоорганизации граждан, всячески препятствует их осуществлению, усиливая тем самым тенденции не модернизации политической системы и общества, а, напротив, *демомодернизации и архаизации*. В результате, как отмечает Соловьев, мы идем к демократии без гражданского общества, без смены элит и без политической активности населения, без конкуренции и уважения прав граждан. Поэтому единственным выходом в данной ситуации представляется *изменение политики правящего режима* в отношении становящихся структур гражданского общества³¹.

Социолог В.В. Петухов говорит об отчетливой тенденции значительной части населения (в первую очередь, молодежи) дистанцироваться от власти, свести к минимуму отношения с ней. С другой стороны, прогнозируется значительная вероятность формирования нового запроса на «работающую демократию», или «демократию на каждый день»³². Отметим, что тенденция, о которой говорит Петухов, и реализацию которой мы можем непосредственно наблюдать в последние годы³³, прямо коррелирует с моделью *партиципаторной демократии*, описанной выше. Эта тенденция усиливается, с одной стороны, ростом в современной России альтруистических, гражданских настроений, а с другой, ориентацией значительной части населения не на политические партии и другие институты «большой политики», а на различные формы *низовой самоорганизации и прямой демократии*. В то же время, как полагает Петухов (и здесь наблюдается общность позиций многих экспертов), «живое творчество масс» не может заменить эффективно функционирующие институты власти и управления»³⁴.

Социальный философ В.Г. Федотова, основываясь на анализе известной концепции гражданской культуры американских авторов Г. Алмонда и С. Вербы, показывает несводимость *реального* гражданского общества к «активистски-рационалистической» его модели, предполагающей (как, например, в теории партиципаторной демократии) построение «общества всеобщего участия». Опираясь на типологию гражданских культур указанных американских авторов, Федотова говорит о неизбежности существования *различных ориентаций* (от подданической до выраженной активистской) в рамках любого общества и, что не менее важно, — о социальной и моральной оправданности такого разнообразия, создающего «*смешанный*» вариант гражданской политической культуры, основанный на принципах *постепенности, умеренности и компромисса*³⁵. Солидаризируясь с цитированными выше

исследователями (А.И. Соловьевым и В.В. Петуховым), В.Г. Федотова утверждает также невозможность построения гражданского общества в России без деятельного и позитивного участия со стороны *государства*.

Выводы

Таким образом, можно констатировать наличие достаточно противоречивой ситуации, сложившейся в современной России и предопределяющей пути становления демократии и гражданского общества как *необходимой предпосылки реализации идеи социальной справедливости*. С одной стороны, деятельность государства признается сегодня неэффективной и противоречащей основным принципам социальной справедливости, с другой стороны, государство по-прежнему рассматривается в качестве ведущего актора политической и общественной жизни, без поддержки которого практически все значимые общественные инициативы неизбежно принимают маргинальный характер. Это возвращает нас к высказанной выше идее о том, что сегодня речь должна идти *не столько о перестройке, радикальной трансформации общественно-политической системы в сторону ее либерализации и демократизации, сколько о «достройке» традиционного для России института сильного государства и персонифицированной модели власти реальными (а не имитационными) структурами демократии и гражданского общества*. При этом полагаем, что партиципаторная модель демократии дает нам в этом отношении важный ориентир, состоящий в том, что реальная демократизация политической системы должна осуществляться в первую очередь на местном (локальном) уровне и лишь постепенно «проникать» на уровень «большой политики». Это кажется тем более справедливым для России, в которой традиционно «большая политика» была делом государства и правящих элит.

Если говорить о справедливости, то представляется, что нет смысла пытаться резко «выпрямлять» сложившееся (на данный момент) в России ее понимание, противоречивый характер которого также был отмечен нами в начале статьи. Думается, что своеобразии российской истории и русского национального характера (типичное преобладание в нем не прагматизма и активизма, характерных, например, для американцев — значительной их части, — а скромности, и не всегда практичного сострадания к другим) по-своему «принимает» это противоречие, делает его органичной частью нашей действительности. И лишь со временем, в процессе совместных усилий власти и формирующихся структур гражданского общества, в понимании россиянами справедливости могут постепенно усиливаться собственно гражданские, демократические (не этатистские) коннотации.

Таким образом, изменения в менталитете и существующих практиках справедливости невозможны без реальных *политических изменений*, что мы и попытались продемонстрировать в данной статье.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Мареева С.В.* Справедливое общество в представлениях россиян // Общественные науки и современность. 2013. № 5. С. 17.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Сегодня эта модель обозначается В.Г. Федотовой как «национальная модель модернизации».

⁵ *Федотова В.Г.* Модернизация «другой» Европы. – М.: ИФРАН, 1997. С. 173.

⁶ Там же. С. 174.

⁷ *Павловская А.В.* Русский мир: характер, быт и нравы. В 2 т. Т. 1. – М.: Слово/Slovo, 2009. С. 101.

⁸ Там же. С. 114.

⁹ Там же. С. 115.

¹⁰ Там же. С. 119.

¹¹ Там же. С. 121.

¹² Там же. С. 124.

¹³ *Летняков Д.Э.* О способности Русского мира к демократии. Попытка оптимистической интерпретации отечественной истории // Русский мир как цивилизационное пространство / под ред. А.А. Гусейнова, А.А. Кара-Мурзы, А.Ф. Яковлевой. – М.: ИФ РАН, 2011. С. 104.

¹⁴ Там же. С. 102.

¹⁵ Там же. С. 109.

¹⁶ Там же. С. 125.

¹⁷ *Пантин И.К.* Выбор России: характер перемен и дилеммы будущего // Полис. 2007. № 4. С. 125.

¹⁸ Там же. С. 124.

¹⁹ Там же.

²⁰ См.: *Баталов Э.Я.* Американская политическая мысль XX века. – М.: Прогресс-Традиция, 2014. С. 458.

²¹ См.: Политология: учеб. / под ред. А.Ю. Мельвиля. – М.: Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008. С. 194–198.

²² Все существующие на данный момент теории демократии можно объединить в три основные группы: 1) различные версии элитарной демократии (Й. Шумпетер, Э. Даунс, Д. Сартори, А. Лейпхарт); 2) модели плюралистической демократии (демократии групп или ассоциаций); 3) различные версии партиципаторной демократии.

²³ См.: *Канарш Г.Ю.* Справедливость как морально-политическая категория: автореф. дисс. ... канд. полит. наук. – М.: ИФ РАН, 2005.

²⁴ *Баталов Э.Я.* Американская политическая мысль XX века. С. 460.

²⁵ См.: *Pateman С.* Participation and Democratic Theory. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1970.

²⁶ *Пейтмэн К.* Массовое участие и теория демократии // Теория и практика демократии. Избранные тексты / пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева, Б.Г. Капустина. – М.: Ладомир, 2006. С. 38.

²⁷ Политология. С. 201.

²⁸ См. там же. С. 194.

²⁹ Баталов Э. Я. Американская политическая мысль XX века. С. 464.

³⁰ См., например: Аитова Г.Ш. От абстрактной к конкретной справедливости: вопросы о критериях // *Философия. Толерантность. Глобализация. Восток и Запад – диалог мировоззрений: тезисы докладов VII Российского философского конгресса* (г. Уфа, 6–10 октября 2015 г.). В 3 т. Т. 1. – Уфа: Изд-во Башкирского гос. ун-та, 2015. С. 156–157.

³¹ Соловьев А.И. Российское общество как форум гражданских ассоциаций // *Quo Vadis? Перспективы становления гражданского общества в России. Материалы круглого стола (Часть I)* // *Полис*. 2012. № 2. С. 129.

³² Петухов В.В. Гражданское общество и гражданское участие // *Quo Vadis? Перспективы становления гражданского общества в России. Материалы круглого стола (Часть I)* // *Полис*. 2012. № 2. С. 130.

³³ Реализацию данной тенденции можно видеть сегодня, в частности, в деятельности площадки гражданских инициатив Change.org (<https://www.change.org/>), работающей в качестве института прямой (непосредственной) демократии.

³⁴ Петухов В.В. Гражданское общество и гражданское участие. С. 130.

³⁵ См.: Федотова В.Г. Непостроенная демократия. Поучительные уроки // *Quo Vadis? Перспективы становления гражданского общества в России. Материалы круглого стола (Часть I)* // *Полис*. 2012. № 2. С. 134.

REFERENCES

Aitova G. S. From the abstract to the concrete justice: questions about the criteria. In: *Philosophy. Tolerance. Globalization. East and West: dialogue of worldviews: abstracts of VII Russian Congress of philosophy* (Ufa, October 6–10, 2015). Vol. 1. Ufa, The Bashkir State University, 2015, pp. 156-157 (in Russian).

Batalov E.Y. *American political thought of XX century*. Moscow, Progress-Tradition, 2014. 616 p. (in Russian).

Fedotova V.G. *Modernization of «another» Europe*. Moscow, Institute of philosophy RAS, 1997. 255 p. (in Russian).

Fedotova V.G. Unbuilt democracy. Instructive lessons. In: *Quo Vadis? Prospects of formation of civil society in Russia. Proceedings of the «round table» (Part I)*. In: *The political studies*. 2012. No 2, pp. 132–135 (in Russian).

Kanarsh G.Yu. *Justice as a moral and political category*. Abstract of the Ph.D dissertation (in Political Science). Moscow, Institute of philosophy RAS, 2005. 24 p. (in Russian).

Letnyakov D.E. About the ability of the Russian world to democracy. An attempt of optimistic interpretation of national history. In: *Russian world as a civilizational space*. A.A. Guseinov, A.A. Kara-Murza, A.F. Yakovleva (eds.). Moscow, Institute of philosophy RAS, 2011, pp. 93-138 (in Russian).

Mareeva S.V. A just society in the perception of Russians. In: *Socialscience and modernity*. 2013. No 5, pp. 16-26 (in Russian).

Pantin I.K. The choice of Russia: character of changes and dilemmas of the future. In: *The political studies*. 2007. No 4, pp. 131-135 (in Russian).

Pateman C. *Participation and Democratic Theory*. Cambridge, Cambridge University Press, 1970. 122 p.

Pateman C. Mass participation and democratic theory. In: *Theory and practice of democracy. Selected texts*. Translated from English under the editorship of V.L. Inozemtsev, B.G. Kapustin. Moscow, Ladomir, 2006, pp. 34-39 (in Russian).

Pavlovskaja A.V. *Russian world: character, way of life and morals*. Vol. 1. Moscow, Slovo [The Word], 2009. 592 p. (in Russian).

Petukhov V.V. Civil society and civil participation. In: Quo Vadis? Prospects of formation of civil society in Russia (Part I). Proceedings of the «round table». In: *The political studies*. 2012. No. 2. pp.130-132 (in Russian).

Political science: textbook. Melvil A.Yu. (ed.). Moscow, Moscow State Institute of International Relations (University), TC Valby, Prospekt, 2008. 618 p. (In Russian).

Solovyov A.I. The Russian society as a forum of civil associations. In: Quo Vadis? Prospects of formation of civil society in Russia. Proceedings of the «round table» (Part I). In: *The political studies*. 2012. No 2, pp. 126-130 (in Russian).

Аннотация

В статье предпринимается попытка прояснить политические условия реализации справедливости в России. Автор показывает необходимость не только исследовать справедливость как теоретическое понятие, но и размышлять о путях ее практической реализации. По его мнению, демократизация и становление гражданского общества становятся ключевой предпосылкой реализации справедливости. Особое значение для России приобретает теория и практика партиципаторной демократии (демократии участия), сочетающей в себе качества нормативности и практической ориентированности. С другой стороны, государство по-прежнему остается ключевым актором общественно-политической жизни России, что заставляет искать «компромисс» между задачей демократизации общества и этатистскими проявлениями национального характера.

Ключевые слова: справедливость, демократия, гражданское общество, национальная модель модернизации, этатизм, партиципаторная модель демократии, национальный характер.

Summary

The article tries to clarify the political conditions for the realization of justice in Russia. It says that now it is important not only to continue the studies of justice as a theoretical conception, but also reflect on the ways of its practical realization. The author claims that democratization and development of civil society become key precondition for the realization of justice. According to the author, the theory and practice of participatory democracy have a great significance for Russia. On the other hand, according to many experts, the state remains a key actor in the socio-political life of Russia, which forces developers to seek a «compromise» between the democratization of society and a statist manifestations of national character.

Keywords: justice, democracy, civil society, national model of modernization, statism, participatory model of democracy, national character.